

ELAINE PAGELS

BEYOND
BELIEF

THE SECRET GOSPEL
OF THOMAS

VINTAGE BOOKS

A DIVISION OF RANDOM HOUSE, INC.

NEW YORK

КЕНТУ
с любовью

Вокруг нас — невидимый мир, и мы живем в нем.

Билл Виола, художник

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От трапезы любви к Символу веры 11

ГЛАВА ВТОРАЯ

Конфликт Евангелий: Иоанн и Фома 39

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Слово Божье или слова человеческие? 86

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Канон истины и триумф Иоанна 127

ГЛАВА ПЯТАЯ

Константин и католическая церковь 157

Благодарности 201

Примечания 205

Евангелие от Фомы 241

Индекс 258

Глава первая

От трапезы любви к Символу веры

Ярким февральским воскресным утром, дрожа от холода в спортивной футболке и шортах, я ступила на сводчатую каменную паперть церкви Небесного Покоя в Нью-Йорке, чтобы войти внутрь, отдышаться и отогреться. Я не была в церкви целую вечность и потому удивилась своей реакции на то, что увидела и услышала: гармония хора парила под сводами, женщина-священник в сияющем бело-золотом облачении пела вместе с собравшимися, а когда они умолкали, произносила молитвы чистым и звучным голосом. Я долго стояла, наблюдая за ними и за собой. Я поняла: здесь содружество людей, умеющих жить перед лицом смерти.

Тем утром, когда я вышла на раннюю пробежку, мой муж и сын двух с половиной лет еще спали. Я же в ту ночь не уснула от страха и тревоги. За два дня до этого врачи детской больницы Колумбийского пресвитерианского медицинского центра проводили текущий медосмотр нашего сына Марка, перенесшего полтора года назад успешную операцию на сердце. Врачи были обескуражены, найдя у него редкий случай легочного заболевания. Не доверяя полученным результатам, они продолжали

проверять еще шесть часов, пока наконец не позвали нас и не объявили, что у Марка обнаружена легочная гипертензия, неизбежно ведущая к летальному исходу. «Сколько времени осталось?» — спросила я. «Мы не знаем; может быть, несколько месяцев, а может быть — несколько лет».

На следующий день врачи убеждали нас дать согласие на проведение биопсии легких, тяжелой и болезненной процедуры. Она чем-то поможет? Помочь она не поможет, объяснили они, но покажет, как далеко прогрессировала болезнь. Марк был уже и так измучен тяжелыми испытаниями этого дня. Держа его на руках, я осознала, что, если он окажется в операционной и опять увидит незнакомцев в белых халатах, масках и со шприцами в руках, у него сердце выскочит — буквально — и он умрет. Мы отказались от биопсии, взяли вещи Марка, кролика Питера и пошли вместе с Марком домой.

Стоя у отдаленной стены в церкви, я с удивлением призналась самой себе, что мне нужно бывать здесь. Здесь я могла плакать, будучи уверенной, что ребенок не увидит моих слез. И здесь стояли самые разные люди, которые собирались вместе, чтобы петь, молиться, благодарить и находить поддержку в моменты, которые трудно вообразить или пережить. Во время богослужения говорилось также и о надежде; вероятно, она делает присутствие смерти терпимой. До того как я вошла в церковь, я могла думать лишь о том, что услышала и пережила в предыдущий день.

Я часто возвращалась в эту церковь — не за верой, а потому что на богослужениях и на встречах в будние дни, когда мы собирались в церковном подвале, чтобы поддерживать друг друга, моя оборона, подвергаясь натискам горя и надежды, пала. В церкви я обрела новую силу и твердость, чтобы вновь и вновь встречаться лицом к лицу со всеми проблемами и трудностями

и решать их с как можно большей пользой и для Марка, и для всех нас.

Когда люди говорят мне: «Вера должна быть большим подспорьем для вас» — я в свою очередь хочу спросить: что они имеют в виду? Что такое вера? Конечно, это не просто принятие некоторого набора утверждений, которые верующие повторяют каждую неделю в церкви («Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли...»), традиционных представлений, которые кажутся странными для меня, подобно едва различимым звукам на поверхности, доносящимся со дна моря. Эти утверждения, представляется мне, имеют мало общего с любыми отношениями: людей друг с другом, человека с самим собой и — как было сказано — с невидимыми сущностями. Мы собираемся в церкви не только ради конкретных нужд и потребностей, но еще с надеждой и упованием, что такое духовное общение может изменить нас.

Я — историк религии, и потому после посещения той церкви у меня возник вопрос: когда и как быть христианином стало практически означать принять определенный набор убеждений. Из исторических сочинений я знала, что христианство переживало и жестокие гонения, и процветало в течение поколений — и даже веков, — прежде чем христиане сформулировали и закрепили свои взгляды в Символе веры. Нам мало известно о причинах трансформации христианства — от разрозненных групп верующих к единому сообществу. Хотя спустя два десятилетия после смерти Иисуса апостол Павел и провозгласил «благую весть», которую он «также получил» («что Христос умер за наши грехи согласно Священным Писаниям; что Он был погребен и воскрес в третий день»)¹, на деле должно было пройти более сотни лет, прежде чем некоторые христиане — скорее всего в Риме — попытались объединиться и ввести на

богослужению соответствующие правила веры. Подобная попытка упорядочения богослужения произошла в связи с распространившимися заявлениями некоего Маркиона, которого сами христиане-римляне считали псевдоучителем². Но только в IV веке, после того как римский император Константин сам обратился в новую веру — или, по крайней мере, декларировал это, — христианские епископы из императорского окружения собрались в Никее, городе в Малой Азии (нынешней Турции), чтобы согласовать общие положения веры — так называемый Никейский Символ веры, который по сегодняшний день определяет веру для многих христиан*.

Однако из опыта общения в церкви Небесного покоя, как с клириками, так и с простыми прихожанами, верующими, агностиками и ищущими, а также с людьми, не принадлежащими к любой другой церкви, я знала, что религиозный опыт включает гораздо больше того, во что мы верим (или не верим). Один за другим вставали вопросы: что же такое религия вообще, и что такое христианство, и почему множество людей все еще находят его неотразимым, независимо от того, принадлежат они к какой-либо церкви или нет, и вопреки трудностям, с которыми порой сталкиваются в вероучении или практиках? Что такое христианская традиция, которую мы любим, — и чего мы не можем любить?

С первых времен христианских общин всех посторонних, кто стремился присоединиться к христианам, привлекало (как тем февральским утром и меня) наличие группы, объединенной духовной силой в одну обширную семью. Возможно, многие, как и я, пришли в горе; а некоторые — потому что можно было прийти без денег. В те далекие времена больные в Риме,

* Все цитаты из Священного Писания даны в авторской редакции. Комментарии и примечания переводчика даны в сносках на страницах текста.

посещавшие храмы Асклепия, греческого бога врачевания, должны были платить за советы, которые они получали от жрецов, относительно трав, упражнений, ванн и лекарств. Жрецы также устраивали посетителей на ночлег, чтобы они могли провести ночь на территории храма, где, как гласила молва, бог посещал просителей во время сна. Аналогичным образом все те, кто стремился проникнуть в мистерии египетской богини Изида, ища ее защиты и благословения и в этой, и в будущей вечной жизни, должны были заплатить немалые деньги за инициацию и потратить еще больше, чтобы приобрести ритуальную одежду и прочие принадлежности для подношения и других обрядов.

Ириней, глава многочисленной христианской общины в Галльской провинции во II веке, писал, что многие новообращенные приходили в места встреч христиан, надеясь на чудеса, и некоторые находили их: «Мы исцеляем больных наложением рук и изгоняем демонов», то есть деструктивную энергию, которая является причиной душевной неуравновешенности и эмоциональных страданий. Христиане не брали денег. Ириней не признавал никаких пределов для действия духа: «Мы даже воскрешаем мертвых, многие из них живут среди нас и совершенно здоровы»³.

Даже без чудес каждый, кто был в скорби и нужде, немедленно находил практическую помощь на всей территории империи, чьи огромные и богатые города — Александрия в Египте, Антиохия, Карфаген и сам Рим — были тогда, как и сейчас, наводнены людьми со всего известного в те времена мира. Обитатели огромных трущоб, расположенных вокруг городов, часто пытались выжить с помощью попрошайничества, проституции и воровства. Тертуллиан, христианский апологет II века, писал, что, в отличие от представителей других групп и

обществ, которые взимали плату за поддержку, члены христианской «семьи» вносили деньги добровольно в общий фонд для поддержки сирот, оказавшихся на улице и на мусорных свалках. Христиане приносили также еду, лекарства и общались с узниками, которые содержались в тюрьмах, поддерживали тех, кто работал в подземельях или был сослан на острова. Некоторые христиане даже покупали гробы и копали могилы, чтобы похоронить бедных или преступников, чьи тела в противном случае оставались лежать непогребенными вне городских стен. Как и Иринея, Тертуллиан из Карфагена (в Северной Африке) подчеркивал, что среди христиан

«не продается и не покупается ничего, что принадлежит Богу. В определенный день каждый, если захочет, кладет в маленький ящик небольшое подаяние, но только если он захочет сделать это и только если он может, а не по принуждению; все добровольно»⁴.

Такие щедрость и великодушие, которые обычно встречались только в семье, привлекали толпы новичков в христианские общины, несмотря на риски. Социолог Родни Старк замечает, что незадолго перед тем, как Иринея писал свои письма, по всем городам и поселениям Римской империи — от Малой Азии до Италии и Галлии⁵ — свирепствовала чума. Обычно любой человек при появлении воспаления кожи или гнойных прыщей — будь он членом семьи или нет — должен был бежать из дома, поскольку почти каждый зараженный умирал в муках. Некоторые эпидемиологи считают, что чума убила от трети до половины населения империи. Доктора не могли, конечно, вылечить болезнь и сами тоже подхватывали смертельный вирус. Гален, наиболее известный терапевт своего времени (люди впо-

следствии назвали эту болезнь чумой Галена), лечивший семью императора Марка Аврелия и выживший, сбежал в загородное поместье и оставался там до тех пор, пока чума не прошла.

Но некоторые христиане были убеждены, что Божья сила была с ними, чтобы лечить или облегчить страдания. Они поражали своих языческих соседей, помогая больным и умирающим; и они верили, что если им самим и суждено умереть, у них достаточно сил преодолеть смерть. Даже Гален был потрясен:

«[В] людях, которые назывались христианами... презрение к смерти мы наблюдали каждый день, а также самоконтроль в сексуальных вопросах... Среди них также были люди, самодисциплина которых... в вопросах еды и питья и ревностное стремление к справедливости достигли уровня не меньшего, чем у подлинных философов»⁶.

Почему христиане действовали так неординарно? Они могли бы сказать, что их сила идет от божественной силы — но абсолютно не похожей на силу тех богов, чьи храмы наводняли улицы городов и чьи изображения красовались в театрах и публичных термах. Юпитер и Диана, Изида и Митра требовали от своих поклонников выражения преданности, возлияния вина, принесения жертв и денежных подношений для жрецов своих храмов. Действия таких богов, подобно человеческим существам, исходили из личных интересов. Но евреи и христиане верили, что их Бог, который сотворил человечество, действительно *любил* человека и вызывал ответную любовь. Иисус кратко обобщил еврейское учение, когда сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим; и возлюби ближнего твоего,

как самого себя»⁷. Все, что требует Бог, — чтобы люди любили друг друга и помогали — даже, или особенно, беднякам.

Такие убеждения стали практической основой новой радикальной социальной структуры. Родни Старк предлагает нам прочесть следующий отрывок из Евангелия от Матфея «как бы в первый раз», чтобы почувствовать силу этой новой морали, как должны были чувствовать ранние последователи Иисуса и их языческие соседи⁸:

«Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»⁹.

Эти заповеди вряд ли возможно было практиковать повсеместно, но Тертуллиан говорит, что члены «особой христианской общины» (как он ее называл) практиковали их достаточно часто, чтобы привлечь общественное внимание: «Что отличает нас в глазах наших врагов — это дела любви: “Смотрите, — говорят они, — как они любят друг друга!”»¹⁰

Тертуллиан пишет также, что сторонние люди порицали христиан, потому что они «называли друг друга братом и сестрой». Но когда он пишет работу «Защитение христиан»*, он добавляет, что члены «семьи Божьей» также верят, что и человеческий род взаимосвязан как целое. «Мы ваши братья и се-

* Старый русский перевод — «Апология или Защитение христиан против язычников»; новый русский перевод — «Апологетик». — *Прим. пер.*

стры также и по закону нашей общей матери-природы», хотя, продолжает он:

«возможно, более справедливо называть братом и сестрою тех, кто пришел познать Бога как своего отца и кто из одного чрева неведения с муками достигли единого света истины»¹¹.

Мучительный процесс рождения, к которому апеллирует Тертуллиан, есть крещение: присоединиться к «Божией семье» — значит умереть — и родиться новой личностью. Апостол Павел утверждал: кто бы ни погружался в крещальные воды, он погружается в воды смерти, умирает для себя самого прежнего¹². Для многих христиан это было болезненным событием, разрывавшим все привычные связи, в первую очередь семейные. Тертуллиан описывает, как нехристианские семьи отвергали тех, кто присоединялся к запрещенной секте:

«Муж... прогонял жену вон из дома; отец... отрекался от сына; хозяин приказывал рабу удалиться с глаз долой: сколь великое преступление совершает каждый, кто преображается этим ненавистным именем [христианин]»¹³.

Почему «великое преступление»? Потому что в глазах своих сородичей обращенные присоединялись к культу преступников — и это могло быть самоубийственным для них и гибельным для их семьи. Римский сенатор Тацит, который презирал христиан за их религиозные предрассудки, возможно, согласился бы, что Тертуллиан отражает общественное мнение, когда говорит, что обращение сделало христиан «врагами общественного добра; богов; общественной морали», всего того,

чего свято придерживались патриотические и религиозные римляне¹⁴. Тертуллиан знал, что случилось летом 202 года в его родном Карфагене, когда 22-летняя знатная патрицианка Фибия Перпетуя, недавно вышедшая замуж и с младенцем-сыном на руках, решила принять крещение вместе с четырьмя другими молодыми людьми, двое из которых были ее рабами. Когда судья спросил ее, не христианка ли она, она ответила утвердительно. Ее арестовали, бросили в тюрьму и приговорили к казни — быть растерзанной дикими зверями — на публичной арене вместе со своими новообращенными рабами.

Перпетуя записала в своем дневнике, что случилось, когда ее седовласый отец прибыл в тюрьму:

«Когда мы сидели в темнице, мой отец из любви ко мне попытался переубедить меня и поколебать мое решение. “Отец, — сказала я, — видишь ли ты это судно, или горшок, или что-то еще?” — “Да”, — сказал он. “Может ли он быть назван любимым другим именем, чем он есть?” — спросила я; и он сказал: “Нет”. — “Хорошо, так и я не могу называться ничем иным, чем я есть, христианкою”»¹⁵.

Перпетуя отвергла свое фамильное имя: «Мой отец очень рассердился... так что он направился ко мне, как будто хотел вырвать мои глаза; но потом передумал и удалился»¹⁶. Через несколько дней, надеясь, что его дочь прислушается к голосу разума, отец «...прибыл из города, изнуренный беспокойством, и пришел навестить меня и попытаться убедить и уговорить меня, — пишет Перпетуя. — “Дочь, — сказал он, доведенный до отчаяния, —

прояви жалость... ко мне, твоему отцу, если я заслуживаю

называться твоим отцом; ибо я любил тебя больше всех твоих братьев... Не выставляй меня на людской позор. Подумай о своих братьях; подумай о своей матери и тетке; подумай о своем сыне, который не сможет жить без тебя. Укроти свою гордость! Ты уничтожаешь всех нас! Никто из нас не сможет говорить опять свободно, если что-то случится с тобой»¹⁷.

Перпетуя писала: «Мой отец говорил так из любви ко мне, целуя мои руки и склонившись передо мной. Со слезами на глазах... он покинул меня в великой печали»¹⁸.

Затем, в день, когда прокуратор допрашивал заключенных, отец приехал, держа ее младенца-сына и продолжая умолять до тех пор, записывает она, пока прокуратор «не приказал бросить его на землю и бить розгами. Я почувствовала жалость к отцу, как будто меня били; опечалившись о его страданиях в его годы»¹⁹. Но Перпетуя верила, что она теперь принадлежит к Божьей семье, и потому осталась непреклонной. На день рождения императора Гета было назначено большое празднество. Сотни горожан собрались в амфитеатре. Перпетуя спокойно прошла из тюрьмы в амфитеатр «как возлюбленная Бога... каждый опускал глаза под ее напряженным взглядом»²⁰, чтобы умереть со своими новыми родными: сестрой Фелицитой, своей рабыней, и братом Ревокатом, своим рабом.

Чтобы присоединиться к «особому христианскому сообществу», кандидат, следовательно, должен был отказаться от своей собственной семьи с ее ценностями и обычаями. Мученик Иустин, прозванный «философом» и крестившийся в Риме около 140 года, пишет, как он понял, что «был воспитан в худых нравах и дурных обычаях»²¹, следовал искаженным ценностям и поклонялся демонам как богам. Он, как и другие, отка-

зался от распущенности, магии, алчности, богатства и расовой ненависти:

«Мы из такого племени людей... кто получали удовольствие от распущенности, ныне любим одно целомудрие; мы, кто прежде пользовались магией, посвятили себя благому Богу; мы, кто ценили более всего богатство и имущества, ныне приносим все, что имеем, в общую казну и делимся со всяким нуждающимся; мы, ненавидящие и убивающие других людей и отказывающиеся жить с иноплеменниками, потому что у них иные обычаи, теперь живем вместе»²².

Каждый посвященный, добавляет Иустин, кто «принял и согласился с нашим учением», берет на себя обязательство жить как изменившийся человек.

Принеся покаяния (на латыни звучит как *paenitentia*), кандидат мог принять крестильную «баню», которая очищала его от осквернения. Посвященный, часто дрожа на берегу реки, раздевался и погружался в воду, а затем выходил из нее мокрым и нагим, «рождался вновь». И как любой римский новорожденный, который первым предстал перед отцом, чтобы тот принял его (или отверг), прежде чем становился членом семьи, так и вновь крестившийся предстал перед «Богом, Отцом всего». Теперь посвященный уже больше не назывался прежним, отеческим именем, а мог слышать, как посвящающий произносит имя «Отца всего», Иисуса Христа и Святого Духа. Затем, облачив в новые одежды, новообращенного христианина кормили смесью молока и меда, едой новорожденных, и он принимал приветствия «братьев и сестер» поцелуем. Теперь члены объединенной группы приглашали новообра-

щенного разделить с ними хлеб и вино в Евхаристии (буквально «благодарение»), священную семейную трапезу. Иустин говорит, что верующие называли крещение «просвещением, потому что все, кто получали его, просвещались в своем понимании»²³. Эти простые, повседневные действия — снятие старых одежд, купание, одевание новых одежд, затем совместная трапеза с хлебом и вином — приобретали для последователей Иисуса огромный смысл.

Поскольку после многолетнего перерыва я начала изредка участвовать в церковных службах, я испытала силу богослужения по-новому. Я выросла в обычной протестантской семье и думала, что ритуалы — пустая формальность, но теперь я видела, как они соединяли людей различных культур и взглядов в единое сообщество, как концентрировали и обновляли их энергию. Но помимо этого, что же все-таки подобные действия означали и каким образом они объединяли такое сообщество? На эти вопросы не так легко ответить. Многие люди пытались приписать этим действиям единственное, определенное значение, которое разделялось якобы всеми «ранними христианами»; но свидетельства I века — в том числе из Нового Завета — рассказывают разные истории²⁴. Различные группы христиан интерпретировали крещение совершенно по-разному; и те, кто вместе вкушали хлеб и вино, чтобы прославлять «вечерю Господню», часто не ограничивали смысл своих богослужений одним-единственным толкованием.

Например, один из самых ранних христианских источников, Учение Господа народам чрез Двенадцать апостолов, показывает, что некоторые группы учеников и последователей Иисуса считали себя не христианами (как мы думаем о христианах, т.е. *отделенных* от евреев), а народом Божьим. Под народом Божьим они, очевидно, подразумевали евреев,

которые почитали Иисуса как великого толкователя Закона Божьего, Торы. Написанное в Сирии примерно за десять лет до новозаветных Евангелий от Матфея и Луки²⁵, это произведение известно как Дидахе (по-гречески «поучение»). Дидахе открывается кратким изложением Закона Божьего, вместе с отрицательной формулировкой так называемого золотого правила нравственности: «Путь Жизни есть: Первое, возлюби Бога, создавшего тебя, и своего ближнего, как самого себя; и не делай другому ничего, чего ты не желал бы, чтобы случилось с тобой»²⁶. Дидахе цитирует другие высказывания, которые Матфей и Лука, возможно, написали десятью годами позже и которые также приписываются Иисусу:

«Благословляйте проклинающих вас; молитесь за врагов ваших... любите ненавидящих вас... Если кто-то ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую... Всякому просящему у тебя давай, и не требуй назад...» –

хотя автор добавляет благоразумное предупреждение, не включенное в Новый Завет: «Пусть запотеет милостыня в твоих руках, пока не узнаешь, кому давать ее»²⁷.

Таким образом, в Дидахе излагаются требования «пути жизни», в нем смешиваются десять заповедей с высказываниями, хорошо известными христианам из Нагорной проповеди Иисуса. Подобно многим благочестивым иудеям, автор трактата усиливает эти высказывания моральными предупреждениями, схожими с теми запретами, которые его современники расценивали как запреты против обыденных преступлений в языческой культуре, включая секс с детьми, часто мальчиками-рабами, аборт и убийство новорожденных:

«Не убивай; не прелюбодействуй; не развращай мальчиков... не занимайся магией; не умерщвляй младенца в утробе матери его, не убивай новорожденных... не отвращайся от обездоленного»²⁸.

Затем, после предупреждения не следовать «пути смерти» — пути для «защитников богатства», которые «отвращаются от бедных, и притесняют страждущих, и судят несправедно бедных» — автор, подобно Иисусу из Евангелия от Матфея, призывает своих слушателей «быть совершенными». Но, в отличие от Матфея, автор Дидахе объясняет, что «быть совершенными» — значит «нести полностью иго Господне» — то есть полностью повиноваться Божественному закону²⁹. Еще, в отличие от Матфея, этот анонимный последователь Иисуса добавляет более реалистично: «Если не можешь [быть совершенным], делай что можешь».

Историк Джонатан Драпер полагает, что одна из ранних редакций Дидахе повествует о группе учеников Иисуса, которая еще участвовала в жизни иудейской общины в их родном городе в Сирии. Когда члены этой группы крестили новообращенных, они понимали крещение, как их собратья-иудеи тогда и сегодня: как «баню», очищающую профанов (то есть язычников), которые ищут путь к народу Божьему, Израилю. Смысл этого раннего и важного руководства, по Драперу, в том, чтобы показать, как неевреи могут стать частью народа Божьего; то есть рассказать как следует из названия — об «учении двенадцати апостолов язычникам»³⁰. Дидахе представляет этим язычникам изложение «пути жизни», описанного в иудейских Священных Писаниях, как понимал их Иисус, а затем показывает, как язычники, желающие следовать по этому

«пути», могут креститься и, следовательно, также разделить благословение грядущего Царства Божьего.

Наконец, автор Дидахе рассказывает: тот, кто постится и молится перед принятием крещения, постигнет, что, участвуя в простой трапезе с хлебом и вином, он соединяется с человечеством семьей, собранной для поклонения «Богу, Отцу нашему» и «Иисусу, [Его] служителю» (или его «Сыну», как может быть переведен греческий термин *pais*). И совместное «преломление хлебов» — это прославление Божьего пути, соединяющего людей, которые когда-то были рассеяны, в одно целое:

«Как этот преломляемый хлеб был рассеян по холмам, но, собранный вместе, стал единым хлебом, так и народ Твой будет собран вместе от концов земли в царствие Твое»³¹.

Эта молитва, которую произносят все вместе, заканчивается призывом — на древнем арамейской языке (эту фразу некоторые христиане включают в свои молитвы и по сей день) о скором пришествии Господа: «Да придет благодать, и преидет мир сей... Маран афа! [Гряди, Господь наш!] Аминь»³². Согласно исследованию Драпера, это были евреи, почитавшие Иисуса как «Божьего служителя»; они верили, что его приход послужит сигналом восстановления Израиля в конце времен.

Но другие ранние последователи Иисуса, как и большинство верующих с тех пор, видели в священной трапезе много странного, даже жуткого, а именно — поедание человеческой плоти и питье человеческой крови. Спустя лишь двадцать лет после смерти Иисуса Павел, как и в Евангелиях от Марка, Матфея и Луки, рассказывает, как в ту ночь, когда был предан Иисус:

«пока [ученики] ели, [Иисус], взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: “приимите, ядите; сие есть тело мое”. Затем взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нее все. И сказал им: “Сие есть кровь моя”»³³.

Тертуллиан иронизирует над реакцией сторонних наблюдателей относительно этой практики: «Нас обвиняют в соблюдении священного обычая, в котором мы убиваем младенца и едим его»³⁴. Он пишет:

«Без сомнения [христианин] мог бы сказать: “Вы должны взять младенца, который не знает, что означает смерть, и может улыбаться под занесенным над ним ножом; и хлеб, чтобы собрать хлещущую кровь... Давайте, спешите вонзить свой нож в младенца... Или, если кто другой выполняет такую работу, просто станьте рядом с умирающим и смотрите, как он умирает... Возьмите свежую молодую кровь, намочите в ней хлеб и ешьте на здоровье”»³⁵.

Несмотря на весь сарказм, Тертуллиан не может разуверить в шокирующем факте, что христианские «мистерии» приглашают новообращенных есть человеческую плоть — даже если только символически. Язычников, возможно, отталкивала практика, когда новообращенным предлагали пить вино, как человеческую кровь, но набожным евреям, чье определение кошерной (чистой) пищи требовало, чтобы вся кровь была слита, такая практика могла внушать особое отвращение³⁶.

Однако в свое время многие евреи и язычники, вероятно, понимали евхаристию как типичный древний богослужебный культ. Иустин Мученик опасался, что язычники с презрением

будут отвергать эти ритуалы и обвинять христиан в простом заимствовании подобных богослужений из так называемых мистических религий и экзотических культов, где подобные практики встречаются повсеместно. Иустин признавал, что жрецы, стоящие во главе всех различных храмов «демонов» — богов Греции, Рима, Египта и Малой Азии, — часто просили своих посвященных совершать «омовения» подобно крещению и что жрецы персидского бога солнца Митры и греческого Диониса «требовали совершать те же действия», которые якобы совершал Иисус — то есть «вкушать плоть и пить кровь» своих богов³⁷. Но Иустин считает, что эти предполагаемые сходства являются в действительности лишь имитациями христианского богослужения и инспирированы демонами, которые надеются «обмануть и обольстить человека»³⁸ в мысли, что христианский культ не отличается от мистических культов. Возможно, Иустин беспокоился бы еще больше, если бы предвидел, что с IV века христиане будут отмечать новый праздник — Рождество Иисуса — 25 декабря, в день рождения бога солнца Митры, то есть во время зимнего солнцестояния, когда бледное и изнуренное солнце рождается вновь и день начинает становиться длиннее.

Но последователи Иисуса взывали к мистическим культам гораздо менее, чем к еврейской традиции, ибо они столкнулись с реальной — и болезненной — проблемой. Если Иисус был Божиим Мессией, то почему он умер такой ужасной смертью? Этот вопрос тревожил самого Павла, который, подобно многим другим, бился, чтобы согласовать распятие с верой в божественную миссию Иисуса. В первые десятилетия после смерти Иисуса некоторые из его последователей в Иерусалиме, ссылаясь на религиозную традицию, согласно которой в Храме приносились жертвенные животные, считали, что также и Иисус

умер как священное приношение. И так же как те, кто приносил коз, овец или быков — для жертвоприношения, а позже пировал, восседая на тушах убитых животных, так и те, кто извлекает пользу из этой человеческой жертвы, могли присвоить ее плоды при символическом «поедании» священной жертвы. Поместив драму Иисусовой смерти в центр своей священной трапезы, его последователи преобразовали то, что другие могли бы видеть как совершенную катастрофу, — что Павел называет «соблазном»³⁹, — в религиозный парадокс: в глубинах человеческого поражения они притязали найти победу Бога⁴⁰.

С этой точки зрения пленение Иисуса, его мучения и смерть были, как они полагали, не просто гибельными. Они не разрушили их надежд, как думали некоторые, услышав сеговотания от ученика: «Мы надеялись, что Он есть тот, который должен избавить Израиль»⁴¹. Марк считал, что Иисус не был схвачен и взят в плен, ибо его ученикам не хватило сил бороться за него. После того как один из его учеников ранил мечом некоего человека из арестовывавшей толпы, но был повержен, он убежал, как и остальные. Скорее всего, полагает Марк, Иисус сознательно двигался навстречу своей смерти, потому что понимал, что это было «необходимо»⁴², — но необходимо для чего?

Марк повторяет, что некоторые из последователей Иисуса в Иерусалиме начали говорить, что Иисус предвидел свою смерть и добровольно предложил себя в жертву. Раздавая хлеб своим ученикам, он говорил им: «Приимите, ядите; сие есть тело мое»⁴³. Марк продолжает: после этого он дал своим ученикам выпить вина, говоря: «Сие есть кровь моя... проливаемая за многих»⁴⁴. Матфей поднимает тему священного искупления, добавляя к описанию Марка, что кровь Иисуса — «изливаемая за многих во оставление грехов»⁴⁵. Марк и Павел включают

также в свои тексты образ жертвенной крови, утверждающую завет (завет — союз Бога с человеком. — *Прим. пер.*). Марк обращается к завету Моисея, вспоминая, что Моисей окропил людей кровью священных быков со словами: «Вот кровь завета, который Бог заключил с вами»⁴⁶. Так что теперь, по предположению Марка, Иисус предвосхищает, что он прольет «кровь завета»⁴⁷. Но Павел, вместо того чтобы оглядываться на Моисеев завет, смотрит на другой — лучший — завет пророка Иеремии:

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля... Новый Завет... не такой завет, какой Я заключил с отцами их... Я вложу Закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу... и буду им Богом, а они будут Моим народом... и все сами будут знать Меня... и грехов их уже не вспомяну более»⁴⁸.

Таким образом, Павел изображает Иисуса, предлагающего своим ученикам вино со словами «Сия чаша есть новый завет на Моей Крови»⁴⁹.

Мы не знаем, говорил ли в действительности Иисус эти слова. Некоторые историки верят, что он должен был сказать что-то подобное этим словам; другие полагают, что, так как последователи Иисуса боролись за установление обоюдного согласия в вопросах хронологии и последовательности событий и начали воссоздавать «последнюю вечерю» Иисуса, они сформулировали эти чрезвычайно сильные слова. В любом случае еврейская традиция предлагала изобилие ассоциаций с жертвой, которую Павел, Марк, Матфей и Лука включили в различные варианты своих повествований⁵⁰. Как мы видели, в процесс сакральной трапезы привносится не единственное значение,

но целый спектр смыслов, отчего понимание становится невероятно богатым и сложным. Иустин передает нам образ действий различных групп христиан II века, которые он посещал, когда путешествовал из Малой Азии в Рим (в 150 году н. э.):

«Все те, кто живет в городе или в сельской местности, в день солнца собираются вместе и читают воспоминания апостолов или писания пророков... Затем мы все встаем и молимся, и затем... приносятся хлеб, вино и вода»⁵¹,

чтобы разделить их, как заповедал Иисус. Христиане различных направлений (включая и тех, для кого причащение не является средоточием богослужения) по сей день знают, что от того, как они интерпретируют смерть Иисуса — как жертву и какого рода жертву, — во многом зависит понимание ими своей веры.

Рассматриваемая в качестве жертвы еда может означать не только прощение и новые отношения с Богом, но так же, как и Пасха, божественное избавление. Так, Павел вспоминает, как пасхальный агнец был заколот перед праздником, и приглашает своих слушателей на «трапезу Господню», объявляя, что «Пасха [Агнец] наша, Христос, заклан за нас; посему станем праздновать»⁵². Марк действительно пишет о пасхальном праздновании, провозглашая, что последняя вечеря Иисуса с учениками была пасхальным пиром — празднованием, к которому Иисус старательно, даже чудесным образом, направил своих учеников подготовиться⁵³. И Лука, и Матфей расширяют версию Маркова рассказа, Лука добавляет, что после ученики

«приготовили пасху. И когда настало время, Он сел за стол, и апостолы с Ним. И сказал им: “Очень желал Я есть

с вами сию пасху прежде Моего страдания; Ибо сказываю Вам, что уже не буду есть ее, пока не совершится она в Царствии Божием»⁵⁴.

Согласно Луке и Павлу, Иисус не только благословил хлеб и вино, но еще наказал своим ученикам «делать это в воспоминание свое»⁵⁵. Они предполагают, что, как на еврейской Пасхе вспоминают, как Бог освободил Израиль через Моисея, так и все празднующие эту Пасху одновременно вспоминают, как Бог освободил свой народ через Христа.

Автор Евангелия от Иоанна дает другую хронологию последних дней Иисуса, хотя Иоанн, так же как — и даже более — Павел и Лука, намерен соединить смерть Иисуса с Пасхой. Однако Иоанн пишет, что «перед праздником Пасхи»⁵⁶ Иисус разделил трапезу со своими учениками в последний раз, трапезу, которая, вероятно, не была празднованием Пасхи. Иоанн говорит, что во время этой прощальной трапезы Иисус омыл ученикам ноги — действие, которое миллионы христиан, от Римско-католической и Православной церкви до баптистов и мормонов, преобразовали в иное священнодействие. Но Иоанн не рассказывает историю последней трапезы, которая вслед за описаниями Павла, Марка, Луки и Матфея сформировала христианское богослужение. Вместо этого Иоанн рассказывает, что Иисус был схвачен в *предыдущую* ночь — четверг, и приведен в судилище на следующее утро.

Так как Иоанн верил, что Иисус стал пасхальным агнцем, он говорит, что «тогда была пятница перед Пасхой и час шестой»⁵⁷. Пасха — время, предписанное для приготовления пасхального агнца. Иисус был приговорен к смерти, его истязали и распяли. Каждая деталь в редакции Иоанна доказывает его убежденность в том, что Иисус сам стал жертвенным агнцем⁵⁸.

Таким образом, чтобы показать, что Иисус подобно жертвенному пасхальному агнцу, действительно умер перед заходом солнца вечером первого дня Пасхи, Иоанн говорит, что римский солдат пронзил копьем бок Иисуса, чтобы убедиться, что тот мертв. Вслед за этим, по словам Иоанна, «из его ребра тотчас истекла кровь и вода»⁵⁹. Видимый осмотр призван был также показать смысл Иисусовой жертвы; вино, смешанное с водой (которое его последователи ритуально пьют как «его кровь»)⁶⁰. Иоанн добавляет, что, когда солдаты увидели, что Иисус мертв, они воздержались от того, чтобы перебить ему ноги. Далее он цитирует Книгу Исхода, где говорится, что, когда готовится пасхальный агнец, «не ломайте кости у него»⁶¹. Для Иоанна эти инструкции стали пророческими; так, он провозглашает: «ни единой кости тела [Иисуса] не было сломано»⁶².

Хотя Иоанн не включает рассказ о самой последней, тайной, вечере, он говорит, что Иисус призывает своих последователей есть его плоть и пить его кровь — призыв, говорит он, который окорблял «евреев», включая многих учеников Иисуса:

«Иисус же сказал: “Я есмь хлеб живой, спешший с небес... ядуший сей хлеб жить будет вовек; и хлеб, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира”.

Евреи затем стали спорить меж собою, говоря: “Как Он может дать нам есть плоть свою?”

Тогда Иисус сказал им: “Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить его крови, то не будете иметь в себе жизни... Ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье...”

Многие из его учеников, когда слышали это, говорили: “Какие странные слова! Кто может это слушать?”»⁶³

Но вопреки необычности образов — и, возможно, благодаря этому — каждая версия этой последней вечери в Новом Завете, будь она описана Павлом, Марком, Матфеем или Лукой, интерпретирует ее как своего рода предсмертный пир, но такой, которого ожидают с надеждой. Поэтому Павел провозглашает, что «всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, вы смерть Господню возвещаете, доколе Он не придет»⁶⁴.

Многие христиане явно предпочитали эти мощные образы более безобидным толкованиям, найденным, например, в Дидахе; более поздние поколения решили включить в Новый Завет варианты, которые повествуют о хлебе и вине как плоти и крови, умирании и возвращении к жизни. Но в течение многих веков, пока распятие на кресте оставалось неизбежной и отвратительной угрозой, последователи Иисуса не изображали крест — тем более распятие — на стенах катакомб в Риме как символ надежды. Вместо Распятого на кресте они изображали Иисуса как того, кто, избавившись от тлена, теперь избавляет других; подобно Даниилу, освобожденному из рва со львами, Ионе — из чрева кита или Лазарю — избавившемуся от погребальных пут и вышедшему из склепа. Апокалипсис Петра, одно из так называемых гностических евангелий, найденное в Наг-Хаммади в Верхнем Египте в 1945 году, идет дальше, изображая Иисуса «радостного и улыбающегося на кресте»⁶⁵, излучающего свет. Кроме того, мы увидим, что в Деяниях Иоанна, другом «еретическом» источнике, изображается Иисус во время совершения евхаристии, ведущий своих учеников, которые вместе поют и танцуют мистический гимн «Хоровод Креста»⁶⁶.

В течение десятилетий после смерти Иисуса его история стала для его последователей тем же, что и Исход для многих поколений евреев: не просто рассказ о прошедших событиях,

но история, по которой они могли толковать свою собственную борьбу, свои победы, свои страдания и свои надежды. Как Иисус и его ученики традиционно каждый год представляли историю Исхода как Пасху, так и его последователи после его смерти собирались на Пасху, чтобы пережить самые важные моменты жизни Иисуса. Так, Марк, рассказывая жизнь Иисуса, одновременно предлагал сценарий, так сказать, для драмы — по которому последователи Иисуса должны были жить. Ибо как Марк открывает свое Евангелие рассказом об Иисусовом крещении, так, как мы видим, и опыт каждого новообращенного должен начинаться с его крещения, когда он погружается в воду, чтобы «родиться заново» в Божественной семье. И как описание Марка заканчивается тем, что случилось в «ночь, когда Иисус был предан», так и те, кто крестился, должны встречаться каждую неделю, чтобы пережить за священной трапезой все, что он говорил и делал той ночью.

Подобная аналогия, без сомнения, помогает принять тот факт, что Евангелие от Марка — простейшая версия повествования, позже расширенная и усиленная в Евангелиях от Матфея и Луки, — стало основой для новозаветного канона. Как Исход служил сюжетной линией для пасхального ритуала у иудеев, так повествование Марка стало служить сюжетом для христианских обычаев крещения и священной трапезы⁶⁷. Получив крещение и собираясь каждую неделю — или даже каждый день — разделять «Господню трапезу», те, кто участвовал в ней, переплели историю жизни, смерти и воскресения Иисуса со своими собственными жизнями⁶⁸.

Это то, что я смутно осознавала, стоя в притворе церкви Небесного Покоя. Драма, разыгрываемая там, переживалась мною так же, как и миллионами людей разных возрастов, потому что она одновременно раскрывала реальность страха, горя

и смерти и в то же время — парадоксально — вселяла надежду. Через четыре года, когда наш шестилетний сын внезапно умер, церковь Небесного Покоя дала нам приют, в котором звучали слова и музыка, родственники и друзья собрались вместе, чтобы преодолеть пропасть, которая казалось непроходимой.

Но церковные собрания несут еще и радость: радость рождения, вступления в брак или просто, как говорил Павел, радость «приобщения»⁶⁹. В подобных богослужениях раскрывается огромная совокупность смыслов, столь разнообразных, сколь и опыт тех, кто участвует в них. И конечно же, мы должны упомянуть о церковном покаянии. Те, кто совершали, например, акты насилия, в покаянии могут найти надежду для освобождения от греха и прощение. Те же, кто пострадал или кому был причинен вред, могут почувствовать удовлетворение, полагая, что их страдание известно — и даже разделено с Богом. Возможно, чаще всего верующие воспринимают участие в общей трапезе как «общение» друг с другом и с Богом; так, когда Павел говорит о «теле Христовом», он часто обозначает коллективное «тело» верующих — союз всех, кто, как он говорит, «были крещены в одно тело, евреи или греки, рабы или свободные, и все пили от одного духа»⁷⁰.

Тем не менее начиная с IV века большинство христианских церквей потребовали, чтобы все те, кто хотел присоединиться к ним, исповедовали сложный набор утверждений о Боге и Иисусе. Эти постулаты были сформулированы епископами на основании древних символов веры. Некоторые, конечно, без труда приняли это. Многие другие (включая и меня) должны были задуматься над тем, что означает Символ веры, а также во что мы верим (как понять: Иисус «единородный Сын Божий, рожденный Отцом прежде всех век» или: «мы верим во единую святую соборную и апостольскую Церковь»?). Любой

человек с поэтическим чутьем может услышать в Символе веры прекрасную поэму во славу Бога и Иисуса. Будучи историком, я, безусловно, могу представить, как эти вероисповедания стали частью традиции, и могу оценить, как Константин, первый христианский император, стал рассуждать о том, что создание — и обеспечение — такого вероучения поможет унифицировать и стандартизировать соперничающие группы и вождей во времена потрясений IV столетия. Но как подобные требования к вере смотрятся сегодня, когда мы столько знаем об истоках христианского движения?

Как мы видели, за десятилетия и столетия до времени создания Символа веры многочисленные христианские общины приглашали новичков различными путями. Группы, которые принимали и разделяли принципы, заложенные в тексте Дидахе, требовали от новообращенных исповедовать и следовать «путем жизни», как учили Моисей и Иисус, «сын Божий». Иустин Мученик, признанный сегодня одним из Отцов Церкви, заботился прежде всего о вере. Он утверждал лживость языческих богов и считал, что человеку должно знать только единого истинного Бога вместе с «Иисусом Христом, Его сыном», — но, что важнее всего, надо разделять — и практиковать — ценности «народа Божьего». Так, Иустин объявляет: «мы крестим тех», кто не только принимает учение Иисуса, но и «обязуется жить в соответствии с ним»⁷¹. Но более всего — даже больше, чем вера, — многих христиан убеждали истории — главным образом приобщение к историям о рождении и крещении Иисуса, его учении, его смерти и его воскресении. К тому же поразительное открытие гностических евангелий — коллекция древних тайных евангелий и других откровений, приписываемых Иисусу и его ученикам, — выявило гораздо большее разнообразие христианских групп, чем мы знали перед этим⁷². Многие

из тех христиан, хотя впоследствии и были заклеены некоторыми Отцами Церкви как «еретики», считали себя не столько верующими, сколько искателями, людьми, которые «ищут Бога».

Церковь Небесного Покоя помогла мне осознать многое из того, что я любила в религиозной традиции, и в христианстве особенно; я поняла, как сильно оно может влиять на нас и, возможно, даже преображать нас. Кроме того, в своей профессиональной деятельности я также изучала историю христианства, опираясь на открытия в Наг-Хаммади. Это исследование помогло мне прояснить то, чего я не любила: тенденцию отождествлять христианство с единственным одобренным сводом утверждений. В действительности эти постулаты варьировались от церкви к церкви — в сочетании с убежденностью, что лишь одна христианская вера предлагает доступ к Богу.

Когда ученые начали раскладывать открытые в Наг-Хаммади тексты, словно недавно обнаруженные части сложной головоломки, рядом с тем, что мы давно знали, эти удивительные тексты преобразили то, что мы знаем как христианство⁷³. Сейчас мы начинаем понимать эти «евангелия» много лучше, чем во времена, когда я впервые написала о них двадцать лет назад. Давайте начнем с того, что посмотрим свежим взглядом на большинство известных всем христианских источников — Евангелия Нового Завета — с точки зрения другого христианского Евангелия, составленного в I веке и открытого в Наг-Хаммади, Евангелия от Фомы. Как мы вскоре увидим, те, кто позже поместил Евангелие от Иоанна в корпус Нового Завета и отверг Евангелие от Фомы как «еретическое», решительно сформировал — и неизбежно ограничил — то, что должно было стать западным христианством.